

ки от той вольной или невольной путаницы в этнических определениях, которые еще встречаются в современной скифо-сарматской археологии.

А.П. Медведев

ANTIQUÉ TRADITION AND ARCHAEOLOGICAL REALITY OF THE
SCYTHIAN TIME ON THE MIDDLE AND UPPER DON
(*Problems of Ethnocultural Interpretation*)

A.P. Medvedev

The author assumes that the main drawback of contemporary summarizing studies dealing with the problems of the history of South-East Europe in Scythian times is the following: the archaeologists, as a rule, do not analyze the data of the antique tradition deeply enough, and, primarily, the information contained in the «Scythian Logos» by Herodotus. Because of this, he finds it necessary to observe the procedure of comparison of archaeology and written data more strictly. The most important condition in this case is systematic comparison of archaeological data and written sources.

Applying this principle to the territories along the Don river, the author points out the existence of three different cultures in this region which existed in the period of the 6th–4th centuries BC: on the upper reaches of the Don and Voronezh rivers – the Gorodetskaya Culture, on the Middle Don – the Middle Don (Srednedonskaya) Culture with its two different economic and cultural types (settled forest-steppe farmers and cattle-breeders who had sites and settlements, and semi-nomades who had left kurgan graves), and the Sauromatian culture in the south.

The author compares these three cultures with the part of Herodotus' data which is related to this territory. He finds there three peoples: Sauromatians, Boudinians, Gelonians.

Proceeding from this comparison, the author completely rejects the hypothesis of V.I. Gulyayev about Scythian attribution of the Middle Don kurgan-graves.

© 2002 г.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КУЛЬТУРАХ
«СКИФО-САКСКОГО ТИПА»

Развернувшаяся в последние годы дискуссия об этнокультурной атрибуции среднедонских археологических комплексов раннего железного века возвращает нас к 1960–70-м годам – ко времени горячих споров, которые вели в специальных изданиях и на конференциях преимущественно П.Д. Либьров и К.Ф. Смирнов.

Сейчас в спорах участвуют, правда, больше специалистов, которые пытаются опереться на возросший фактический материал. Но и тогда, и теперь непредвзятого читателя, научные интересы которого лежат в стороне от Днепро-Донского и Донецко-Донского междуречья, смущала и смущает избыточно размашистая "панорамность", отличающая этнокультурную атрибуцию памятников скифской эпохи.

Междуречье Дона и Северского Донца не вписывается в единую физико-географическую зону. Примерно по линии Харьков–Россошь–Богучар–Саратов проходит современная граница лесостепи и степи. Это означает, что для среднедонской культуры VI–III вв. до н.э. «вмещающим» ландшафтом была лесостепь, а для одновременных памятников, открытых на территории Ростовской области, – степь (независимо от того, связывают ли их с савроматами, сирматами, скифами, меотами или будинами).

То, что высококвалифицированные и авторитетные специалисты фактически игнорировали разделение Доно-Донецкого междуречья на две физико-географические

зоны и вообще склонялись к представлению о культурном и даже этнокультурном единстве этого пространства, в высшей степени примечательно. Конечно, такой корректный исследователь, как К.Ф. Смирнов, не допускал мысли об исключительно савроматской или сирматской атрибуции лесостепных памятников. В его работах речь шла лишь о проникновении на Средний Дон какого-то количества ираноязычных степняков¹. Иное дело – оппонент К.Ф. Смирнова П.Д. Либеров. Сейчас А.П. Медведев пишет о его взглядах: «Если поле научного исследования ограничить только территорией Среднего Подонья, то точка зрения П.Д. Либерова отличается несомненной внутренней логикой и кажется убедительной»². Но П.Д. Либеров отнюдь не ограничивал ареал среднедонской культуры и ее носителей – будинов Средним Подоньем. Локализуя в степном междуречье Нижнего Дона и Северского Донца сирматов, исследователь считал, что их культура «ближе стоит к среднедонской культуре», а не к савроматской и скифской³. В известной статье «Савроматы ли сирматы?» П.Д. Либеров без больших сомнений отнес все скудные в то время археологические памятники скифского времени между Доном, Северским Донцом и Айдаром к «крайней южной части финских будинов», согласившись с утверждением Ф.А. Брауна о финно-угорском происхождении этнонима «сирмат»⁴.

С другой стороны, В.Е. Максименко, воспринявший и развивающий гипотезу К.Ф. Смирнова о ранней экспансии савроматов (сирматов) на запад от Дона, справедливо констатировал черты сходства степных памятников Доно-Донецкого междуречья и среднедонских курганов⁵.

Но этнокультурная атрибуция памятников степной части междуречья Дона и Северского Донца у этого автора противоречива. В одной из работ В.Е. Максименко пишет о «донских правобережных савроматах – сарматах (сирматах) – носителях савроматской археологической культуры» (точнее, ее донского варианта)⁶, в другой же – относит к «сирматам (савроматам)» «южную степную группу памятников среднедонской культуры, включая курганы на реке Быстрой»⁷.

Второе предположение предельно оригинально: среднедонская культура в таком случае распространяется далеко в степь (к ней «прирастает» «южная степная группа памятников») и, поскольку В.Е. Максименко до сих пор не отрицал будинскую принадлежность среднедонских памятников, культура в целом приобретает биэтническую атрибуцию (в лесостепи – будины, в степи – савроматы или сирматы). Впрочем, неясные высказывания В.Е. Максименко по-своему трактует В.И. Гуляев, считающий, что «автор за данным культурным единством видит господство савроматского (сарматского) этноса»⁸.

Наконец, основные участники нынешней дискуссии попытались обосновать трудно согласуемые, во многом противоположные друг другу концепции. А.П. Медведев

¹ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 262, 263; он же. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 26, 27.

² Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999. С. 139.

³ Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. 1969. № 151. С. 19–21.

⁴ Он же. Савроматы ли сирматы? // Там же. С. 27–37.

⁵ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 122, 128; он же. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998. С. 62.

⁶ Он же. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Сарматы и Скифия. Сб. научн. докл. III Международной конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 46.

⁷ Он же. Еще раз к вопросу о сирматах // Древний мир и средние века. Тез. докл. конф. Ростов-на-Дону, 1993. С. 27.

⁸ Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. Сб. ст. М., 2001. С. 25.

пишет о единой «скифоидной» лесостепной культуре, локализуемой «от Левобережья Среднего Поднепровья до воронежского течения Дона». Он предлагает ее биэтническую атрибуцию: городища принадлежали оседлым скотоводам и земледельцам будинам, «язык и этническая принадлежность» которых «продолжают оставаться неизвестными», а курганы – пришлым ираноязычным гелонам – «потомкам одной из групп расселившихся в восточноевропейской лесостепи "ранних" или "старших скифов"», ставших «местной военно-аристократической элитой», «знатью и воинами – основными носителями "скифского культурного комплекса"»⁹.

В.И. Гуляев склоняется к тому, чтобы считать «культуру курганов и культуру городищ Среднего Дона единой», т.е. моноэтнической. По его мнению, «общий характер культуры жителей местных поселений аналогичен культуре, представленной в курганных комплексах». В.И. Гуляев полагает, что носителями среднедонской культуры были скифы, занимавшие в V–IV вв. до н.э. все степное и лесостепное пространство между Днепром и Доном¹⁰.

Как уже сказано, В.И. Гуляев и А.П. Медведев придерживаются во многом противоположных концепций: во многом, но не во всем. В.И. Гуляев, пишущий о принадлежности различных археологических памятников в двух физико-географических зонах одному этносу – скифам, в первую очередь исходит из впечатления «о полном совпадении и единстве культуры аристократических верхов всех земель, входивших в состав скифского объединения» («это сходство, проявляясь даже в мельчайших деталях, порой поражает воображение») ¹¹. А.П. Медведев также признает элитарный характер «скифского культурного комплекса»¹².

Таким образом, поскольку у разных культур (групп памятников, локальных вариантов) сравниваются преимущественно элементы инвентаря и обряда курганных погребений, поскольку впечатление о культурной общности или культурном единстве основано главным образом на реальном значительном сходстве элитарных («аристократических», «военных», «дружинных», «всаднических») культурных сегментов.

Эти культурные сегменты, фиксируемые в разных частях «скифо-сибирского мира» и являющиеся основанием для выводов о его культурном или даже этнокультурном единстве, частично соответствуют появившемуся полвека назад понятию «скифской триады». В.С. Ольховский правильно отмечает, что с течением времени произошли расширение объема данного понятия и отказ от его этнической интерпретации. Можно согласиться с его предложением ввести термин «раннекочевнический культурный комплекс» для «обозначения совокупности категорий предметов, характерных для кочевников скифской эпохи»¹³.

В специальной литературе накопился избыточно обильный набор терминов, обозначающих сходство «скифских» («скифо-сибирских», «скифоидных», «раннекочевнических», «древнекочевнических», «скифского типа») культур, составляющих некую «общность» («единство», «мир», «цивилизацию», «горизонт», «континуум» и др.). Я сомневаюсь в том, что усилия по установлению точности или неточности этих терминов плодотворны. Ведь вполне ясно, что эта «культурная общность» не является полной, так как она конструируется исследователями на базе не всех компонентов сравниваемых культур, а только их части.

Эта часть компонентов, общих для всех культур скифского времени, представляемая неким по возможности кратким списком («триадой», «тетрадой», «пентадой» и т.п.), и определяет содержание понятия «раннекочевнический культурный комплекс». Меньше всего шансов на попадание в такой список имеют погребальные обряды, тесно связанные с этническим своеобразием конкретных культур, и ке-

⁹ Медведев. Ук. соч. С. 117–128.

¹⁰ Гуляев. Ук. соч. С. 31.

¹¹ Там же.

¹² Медведев. Ук. соч. С. 152.

¹³ Ольховский В.С. Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. 1997. № 1. С. 94.

рамика. Частичная общность форм сосудов довольно легко устанавливается для пар или групп соседних культур (степные памятники Северного Причерноморья – лесостепные группы, савроматы низовий Дона и Волги – «савроматы» Приуралья, «савроматы» Приуралья – тасмолинская культура, и т.д.). Такое попарное сравнение керамических комплексов способно дать картину «археологической непрерывности», преимущественно в широтном направлении. Однако при сопоставлении керамики культур, расположенных на крайнем востоке и крайнем западе «скифского мира», сходство форм будет незначительным (сравним, например, керамику из скифских курганов Северного Причерноморья и Иссыкского или Пазырыкских курганов).

Вопрос об этнической интерпретации раннекочевнического культурного комплекса очень сложен. Вероятно, единый ответ на него отсутствует. В.С. Ольховский, одобряя «отказ от этнического определения» «скифской триады» и предлагая использовать ее «в качестве социально-экономического, а не этнического индикатора», одновременно пишет: «Элементы триады, встреченные изолированно, а не в совокупности ... (в теоретическом плане), могут свидетельствовать как о скифском культурном влиянии, так и о присутствии скифов»¹⁴.

В.И. Гуляев и А.П. Медведев, несмотря на разницу во взглядах, предлагают именно этническую интерпретацию фиксируемого в Доно-Днепровской лесостепи «скифского культурного комплекса», связывая его с конкретным ираноязычным кочевым этносом (В.И. Гуляев – со скифами, А.П. Медведев – с гелонами).

Связь раннекочевнического культурного комплекса не с одной археологической культурой, а со всей совокупностью культур «скифо-сибирского мира» напоминает феноменально быстрое и широкое распространение памятников сейминско-турбинского типа во II тыс. до н.э. Сейминско-турбинский феномен также имеет сегментный характер. Он определяется в основном металлическими, каменными и костяными изделиями и, в какой-то мере, погребальными обрядами. Неизвестны поселения, отсутствует самобытная керамика. Нет и «четко очерченной территории исключительного распространения памятников только данного типа» – «одного из неизменных признаков археологической культуры»¹⁵.

Называя сейминско-турбинский феномен транскультурным, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых выбрали очень точное определение. Ведь «trans-» означает в частности пересечение пространства в определенном направлении, а исследователям удалось убедительно (во всяком случае при одобрении большинства специалистов) реконструировать ареал культуригенеза, носителей транскультурного феномена (сейминско-турбинские «племена» или «кланы») и основное направление их миграции.

В отличие от того, что мы сейчас знаем о сейминско-турбинском феномене, общепринятого представления об исходной территории раннекочевнического культурного комплекса в настоящее время нет. Поэтому «скифо-сибирский феномен» должен быть определен не как «транскультурный», а как «интеркультурный», «Inter-» в данном случае обозначает и широкую, «межкультурную» распространенность раннекочевнического комплекса и отсутствие (пока ?) вполне убедительной реконструкции направления его распространения.

Является ли раннекочевнический культурный комплекс не только интеркультурным, но и интерэтническим? И возможна ли культурная общность в отсутствие этнической общности?

Положительные ответы на эти вопросы очевидны в масштабах всего раннекочевнического ареала – «скифо-сибирского мира». Ведь подавляющее большинство специалистов не сомневается в ираноязычии скифов, савроматов, саков. И наоборот, не только ираноязычие, но и более общая, индоевропейская атрибуция носителей тагарской, большереченской, саргатской культур или культуры плиточных захоронений, по меньшей мере, сомнительна.

¹⁴ Там же. С. 94, 95.

¹⁵ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. С. 5, 227–236, 240–247, 269–277.

Насколько часто и когда возникают подобные интеркультурные и интерэтнические (интерэтнокультурные) феномены? Более поздние (по отношению к древнекочевнической) эпохи дают три основные группы примеров.

Первую группу образуют примеры воздействия какого-то определенного мощного источника культурного воздействия или «генератора моды». Это воздействие охватывает разнородные этносы, входящие в культурный «ареал», «круг» или «зону влияния». Прежде всего можно указать на китайское культурное воздействие. В примерах этой группы имеется источник воздействия и одновременно возникновения интерэтнокультурного феномена – мощной и аттрактивной культуры «высокой цивилизации».

Во второй группе примеров роль первичного источника культурных импульсов значительна лишь на начальной стадии. Культурные инновации затем распространяются на столь обширной и этнически разнородной территории, что утрачивают связь с «генератором» и приобретают способность к самостоятельной экспансии.

Ярким примером этого рода является «интернациональное барокко» – художественное направление, культурный феномен и до некоторой степени стиль жизни. Барокко возникло в Италии, в той или иной мере охватило всю Европу (не только католическую, но и протестантскую), затем проникло в православный ареал (вспомним украинские памятки, «московское» или «нарышкинское» барокко) и даже в мусульманский мир (Турция, Крымское ханство).

При всем интерэтнокультурном и даже «интерконтинентальном» характере барокко в нашем восприятии этого феномена присутствует представление если не о его постоянном едином источнике, то о связи с «европеизацией».

Роль «скифской триады» в культурном ареале раннесредневековых кочевников играли стремени, жесткие седла, монументальная (мемориальная) антропоморфная структура, некоторые формы оружия и орнаментальные мотивы. При общем доминировании тюркоязычных групп эти элементы также были интерэтнокультурными – они быстро усваивались и ираноязычными аланами, и уграми, и этнически неясными аварами. Но как и в предыдущем случае, у нас есть понимание того, что направление миграционных потоков шло с востока на запад, и того, что существование начиная с I Тюркского каганата огромных «кочевых империй» способствовало распространению специфических для средневековых кочевников культурных элементов.

Указанная вторая группа примеров является переходной между первой (когда источник культурных инноваций вполне ясен) и третьей группой, которую образуют обширные ареалы интеркультурных общностей или хозяйственно-культурных типов в Африке и Северной Америке. Эти ареалы неоднородны в этнолингвистическом отношении, причем гетерогенность фиксируется не только на уровне языковых групп и ветвей, но даже языковых семей. Государства здесь отсутствовали или были недостаточно сильными для того, чтобы осуществлять культурную интеграцию на огромных территориях. В большинстве случаев мы не можем уверенно локализовать исходные ареалы интеркультурных общностей или определить первоисточники культурных инноваций.

На мой взгляд, весьма поучительно обращение к интерэтнокультурной общности, известной в нашей литературе как хозяйственно-культурный тип индейцев североамериканских Великих равнин (или хозяйственно-культурный тип конных охотников Великих равнин).

Этносы, являющиеся носителями данного хозяйственно-культурного типа, гомогенны в хозяйственном и культурном аспектах – иначе невозможным было бы выделение самого хозяйственно-культурного типа.

Хозяйственно-культурная гомогенность индейцев Великих равнин проявляется в длинном списке общих для них и поэтому интерэтнических явлений¹⁶. В этот список

¹⁶ Американская этнографическая литература по этому вопросу неисчерпаема. Для удобства российских читателей сошлюсь на более доступные отечественные исследования и переводы: Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. М., 1970; она же. Индейцы Северной Америки. От родового общест-

входят коневодство, конская упряжь, оружие, конная охота на крупных копытных животных, транспортные средства (волокуши и кожаные лодки), жилища (конические кожаные палатки «типи»), консервированные мясные продукты (вяленое мясо и пеммикан), кожаные одежда, обувь и утварь, военные общества или мужские союзы, религиозные культуры и обряды («пляска солнца», «священные связи»), татуировка и ритуальная раскраска лица, головные уборы из перьев, скальпирование врагов, каменные курительные трубки, декоративно-прикладное искусство (вышивка бисером и иглами дикобраза, живопись на бизоньих шкурах) и др. Значительная часть этих явлений порождена кочевым образом жизни и относится к «всадническому», «военно-охотничьему» сегментам традиционных племенных культур.

Хозяйственно-культурная однотипность (гомогенность) индейцев Великих равнин сочетается с этнолингвистической гетерогенностью. Языки индейцев Великих равнин относятся к семьям хока-сиу (айова, ассинибойны, дакота, канза, кроу, куапо, мандан, омаха, оседж, понка – группа сиу; арикара, кэддо, пауни, уичита – группа ирокуа-кэддо), алгонкинско-мосанской (арапахо, кикапу, степные кри, чейенны, черноногие – алгонкинская группа), ацтеко-таноанской (кайова, команчи, пайуте, шошоны, юте), на-дене (апачи и кайова-апачи), пенути (сахаптины). В общем представлены все пять семей языков североамериканских индейцев¹⁷.

Подчеркну, что эта этнолингвистическая гетерогенность существовала на уровне языковых семей. Она могла быть еще более пестрой и поразительной, если бы за основу была принята не наименее дробная, минимизирующая классификация Дж. Гринберга – Н.А. Мак-Куана – Э. Сепира¹⁸. Согласно другим, более дробным классификациям, языки североамериканских индейцев распределяются по гораздо большему количеству семей.

Полезно также представить себе площадь Великих равнин как вмещающего этот хозяйственно-культурный тип ландшафта. Эта площадь примерно равна совокупной площади 12 американских штатов (Айова, Вайоминг, Канзас, Колорадо, Миннесота, Миссури, Монтана, Небраска, Оклахома, Северная Дакота, Техас, Южная Дакота) и крайнего юга Канады – в пределах 3100–5200 тысяч км². Данная площадь больше площади Казахстана (2717 тыс. км²), меньше общей площади Казахстана и Средней Азии (3994 тыс. км²) и примерно равна общей площади Казахстана и Узбекистана (3165 тыс. км²) или Казахстана и Туркменистана (3205 тыс. км²).

Теперь можно сравнить в этногеографическом аспекте примерно равные по территории североамериканские Великие равнины и среднеазиатско-казахстанские равнины. Последние мы можем определить как территорию Казахстана, Узбекистана и Туркменистана без Тянь-Шаня, Памира, Копетдага и низовьев Теджена и Мургаба. На территории Великих равнин в XVIII – первой половине XIX в. зафиксировано не менее 30–40 племен (этносов), относящихся к пяти языковым семьям. Этногеография среднеазиатско-казахстанских равнин в сако-массагетский период (VII–IV вв. до н.э.) реконструируется в значительной мере по письменным источникам – сочинениям ионийской традиции, господствовавшей в античной географии до походов Александра Македонского.

Несомненно, литература по этой теме обильна и споры о локализации этносов на современной географической карте не окончены. Обратимся, однако, к соответствующему тому «Археологии СССР» – «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР» (М., 1992) – изданию, претендующему на академическую взвешенность и фундаментальность. А.М. Мандельштам и Н.Г. Горбунова – авторы раздела «Общие сведения о ранних кочевниках Средней

ва к классовому. М., 1974. С. 251–330; *Велтфиз Дж.* Индейцы степей: их преемственность в истории и индеанизм // Североамериканские индейцы. М., 1978. С. 193–205; *Стингл М.* Индейцы без томагавков. М., 1971. С. 269–276; *Феест К.Ф.* Искусство коренных народов Северной Америки. М., 1985.

¹⁷ Лингвистическая атрибуция индейских племен дана по кн.: Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.

¹⁸ Там же. С. 27.

Азии и их группировках» – локализируют на территории казахстанско-среднеазиатских равнин саков (саков-хаумаварга и саков-тиграхауда – две известные по древнеперсидским источникам сакские группировки, поскольку третью – саков-парадарая – авторы отождествляют с европейскими скифами), массагетов и даев (дахов) (с. 13–21).

Ранней ионийской традиции, и прежде всего Геродоту, известны также исседоны, аримасы и аргиппеи (агриппеи). Но их географическая локализация спорна – различные исследователи помещали их как в среднеазиатско-казахстанских пределах (в физико-географической стране Центральный Казахстан), так и вне их (Южный Урал, Западная Сибирь, Алтай-Саянская горная страна) – т.е. вполне уверенно на среднеазиатско-казахстанских равнинах локализируются три-четыре кочевнических палеоэтнонима.

Такая десятикратная этнографическая обедненность среднеазиатско-казахстанских равнин VII–IV вв. до н.э. по сравнению с североамериканскими Великими равнинами XVI – середины XIX в. (обращают попутно внимание на примерное равенство хронологических диапазонов в 350–400 лет), конечно, отражает огромное качественное различие источниковедческих оснований. Лаконичность письменных источников стала одной из причин того, что предлагаемые для среднеазиатско-казахстанских степей этногеографические и палеолингвистические реконструкции, как правило, удивительно гомогенны. По мнению большинства археологов, весь этот огромный ареал вкуче с обширными соседними территориями в сако-массагетское время был заселен исключительно ираноязычными племенами. Именно такая трактовка предлагается М.Г. Мошковой в «Заключении» к упомянутому тому «Археологии СССР» (с. 312–313): «Для среднеазиатских кочевников, а также близко связанного с ними населения Алтая и Тувы подобное утверждение (отнесение всего кочевого и полукочевого варварского мира азиатских степей к группе ираноязычных племен. – В.К.) представляется реальным...»

Опубликованная недавно серия статей о памятниках пазырыкской культуры алтайского плато Укок содержит важные результаты палеоантропологических исследований (молекулярно-генетический анализ фрагментов митохондриальной ДНК, межгрупповой анализ краниологических серий), разрушающие эти ставшие почти общепринятыми представления о гомогенном ираноязычии азиатских древних кочевников. Новые материалы отчетливо выявляют европеоидно-монголоидный характер пазырыкских хронологических серий, их слабую связь с краниологией «андроновцев». Анализ фрагментов ДНК показал, что минимальные генетические дистанции обнаружены между пазырыкцами и современными этническими группами кетов и селькупов.

Авторы этих исследований, и прежде всего резюмирующий серию статей В.И. Молодин, пока не отказываются от привычных представлений об ираноязычии евразийских кочевников, а лишь считают уже достаточно доказанным предположение о том, «что в основе пазырыкской культуры лежат два компонента – местный самодийский и пришлый иранский»¹⁹.

К тому стоит добавить два соображения. Во-первых, молекулярно-генетический анализ фрагментов ДНК пазырыкцев позволил представить схему («дерево филогенетических связей между пазырыкцами и современными этническими группами Евразии» –

¹⁹ *Полосьмак Н.В., Молодин В.И.* Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 85; *Воевода М.И., Ромащенко А.Г., Ситникова В.В., Шульгина Е.О., Кобзев В.Ф.* Сравнение полиморфизма митохондриальной ДНК пазырыкцев и современного населения Евразии // Там же. С. 88–94; *Чикишева Т.А.* Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Там же. С. 107–121; *Молодин В.И.* Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Там же. С. 134–138. См. несколько иную, менее конкретную гипотезу: *Чикишева Т.А.* Антропологическая характеристика мумий // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 198, 199; *Воевода М.И., Ситникова В.В., Ромащенко А.Г.* Расово- и этноспецифические особенности мтДНК представителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Там же. С. 224–230.

зии»), показывающую минимальные генетические дистанции пазырыкцев по отношению не только к самодийцам-селькупам, но и к кетам. Кетский же язык в настоящее время является изолированным, но рассматривается как единственный сохранившийся из енисейской семьи языков. Мы не можем представить себе ареал этой исчезнувшей языковой семьи. Ее печальная судьба сделала непопулярными гипотезы о енисейской («палеосибирской») языковой принадлежности («кетоязычии») носителей тагарской культуры²⁰ и центральноазиатских хуннов-сюнну²¹.

Во-вторых, присутствие монголоидного компонента в краниологических материалах, относящихся к якобы сплошь ираноязычному древнекочевническому населению, не является какой-то сенсационной новостью – оно давно известно антропологам²².

Какие выводы мы вправе сделать на основе подобных археолого-этнографических сопоставлений?

В этнографической науке этническая (прежде всего этнолингвистическая) гомогенность не является атрибутом историко-этнографических (историко-культурных) провинций и областей и совершенно не свойственна хозяйственно-культурным типам²³. Поэтому археологи не могут навязывать качество этнической гомогенности не только «скифо-сибирскому миру» в целом, но его крупным, включающим несколько культур, ареалам.

Вполне возможно, что формирование древнекочевнических интеркультурных ареалов происходило без культурно-политического доминирования определенного этноса, распространявшего или «диктовавшего моду» на «раннекочевнический культурный комплекс».

Феномен «древнекочевнической интерэтнокультурной общности» очевиден, но имеет свои загадочные аспекты. К таковым можно отнести «эмерджентность» (относительную внезапность появления) и «проектность» (овеществление в очень конкретном облике вроде «скифской триады») ²⁴. Объяснение этих особенностей могло бы стать основой убедительной реконструкции генезиса древнекочевнических культур.

В.А. Кореняко

COMMON AND SPECIAL IN THE CULTURES OF SCYTHO-SAKIAN TYPE

Korenyako V.A.

The contemporary discussion which offers different ethnocultural attributions of the population on the territory between Dnepr and Don in the VI–III centuries BC, gives us an occasion to examine the essence of the ancient nomadic cultural complex. Being a set of certain typical for the VI–IV centuries BC categories of things (named «Scythian Trias», «Pentas» etc. by specialists), the ancient nomadic cultural complex is characteristic for horseman cultures of the «Scytho-Siberian World» from the Danube to the territories over Baikal. The rich comparative material shows that the «Scytho-Siberian World» and the big areas forming it, being culturally homogeneous in many respects, are characterized by ethnolinguistic inhomogeneity. Most probably, the forming of the ancient nomadic intercultural areas proceeded without domination of a certain ethnos.

²⁰ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 222, 223.

²¹ Пуллиблэнк Э.Дж. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древнетюркские языки и литературы. М., 1986. С. 29–70.

²² Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. С. 106, 109–140, 341; Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Монголоидность у населения Средней Азии и ее эпохальные изменения // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 4. М., 2001. С. 35–46.

²³ Этнические и этносоциальные категории. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. М., 1995. С. 31–33, 138–141.

²⁴ Кореняко В.А. Люди-олени или охотники на оленей? (Об этнониме саков) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы Международной научн. конф. Т. I. Археология. Этнология. Улан-Удэ. 2000. С. 116.